

0808

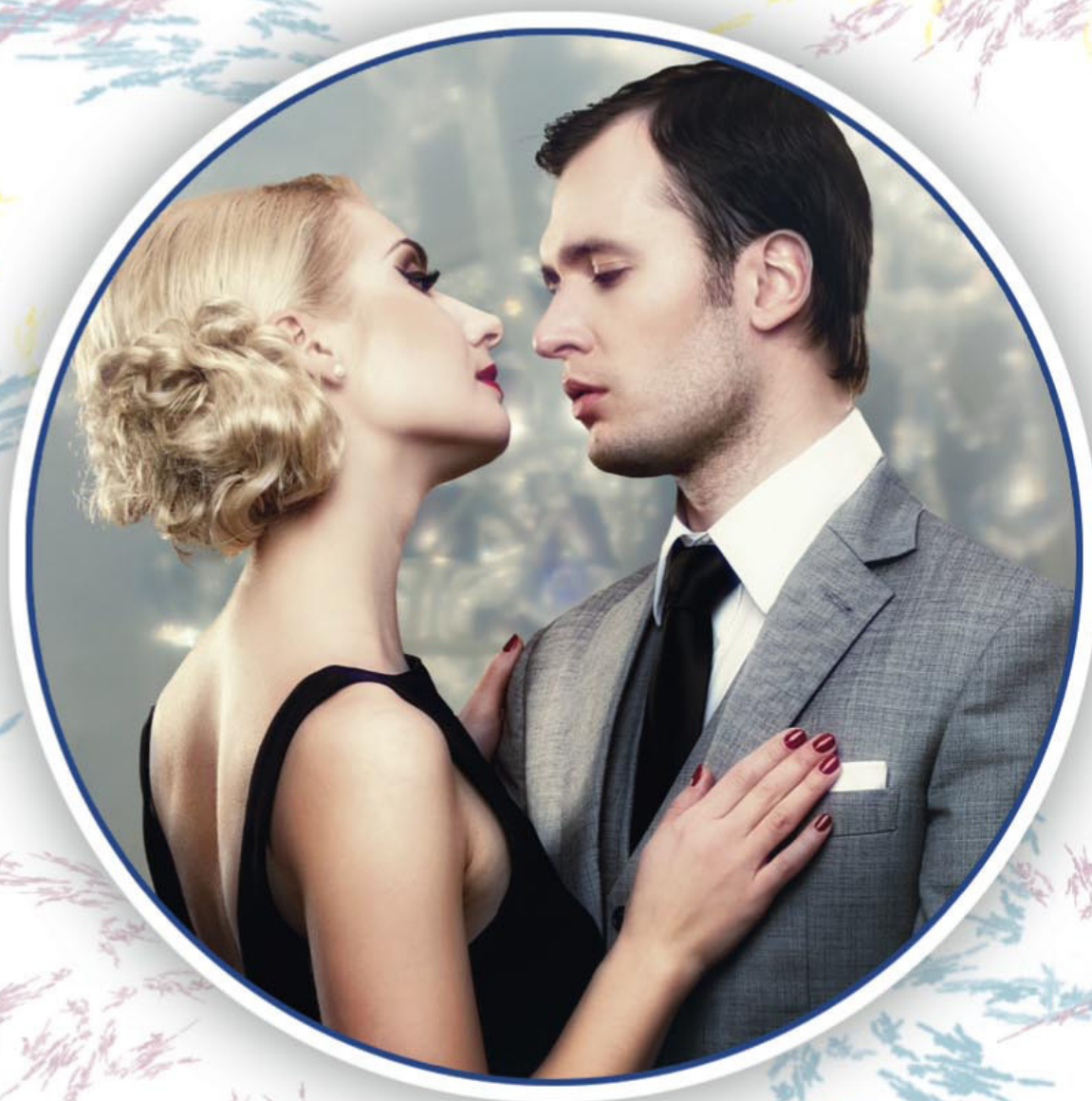

ЦЕНТР ПОЛИГРАФ

HARLEQUIN®

Мантель Мой

**МНЕ БЕЗ ТЕБЯ
НЕ ЖИТЬ**

Подари себе мечту

ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Любовный роман – Harlequin

Шантель Шоу

Мне без тебя не жить

«Центрполиграф»

2017

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Сое)

Шоу Ш.

Мне без тебя не жить / Ш. Шоу — «Центрполиграф»,
2017 — (Любовный роман – Harlequin)

ISBN 978-5-227-08127-8

После ночи любви с обаятельным незнакомцем Кортесом богатая наследница Элин Сандерсон осталась одна, к тому же с ребенком на руках. Год спустя она узнает, что Кортес является законным наследником ее приемного отца, который может лишить ее не только причитающейся ей доли наследства, но и отнять сына. Оказавшись в безвыходной ситуации, Элин соглашается выйти замуж за Кортеса, чтобы их ребенок не считался незаконнорожденным. Она влюбляется в него, но ее чувства разбиваются о его каменное сердце...

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Сое)

ISBN 978-5-227-08127-8

© Шоу Ш., 2017
© Центрполиграф, 2017

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	17
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Шантель Шоу

Мне без тебя не жить

The Secret He Must Claim

© 2017 by Chantelle Shaw

«Мне без тебя не жить»

© «Центрполиграф», 2018

© Перевод и издание на русском языке, «Центрполиграф», 2018

Глава 1

Комната кружилась, а яркие вспышки света складывались в цветные узоры, как в калейдоскопе. Элин моргнула и поняла, что стоит в гостиной и смотрит на люстру, хрустальные подвески которой переливались, словно бриллианты.

– Принести тебе еще выпить? – спросил кто-то, перебивая громкую музыку. Элин казалось, что она покинула свое тело и смотрит на него сверху вниз. Она попыталась сосредоточиться на парне, который обращался к ней, и с трудом узнала одного из друзей Вирджинии, тусовавшегося вместе с ними в ночном клубе. Элин не знала половины людей, которые приехали к ней в Кенсингтон, чтобы продолжить праздновать день ее рождения.

– Ты не должна оставаться сегодня одна, – настояла Вирджиния, когда клуб, в котором они собирались отрываться до утра, закрылся раньше обычного. – Ты будешь грустить и вспоминать свою мать. Я скажу всем, что вечеринка продолжится у тебя дома.

Элин не стала возражать.

Неделю назад она предупредила Ральфа, своего приемного отца, что отпразднует день рождения с друзьями в Шотландии, но из-за тумана ее рейс отменили. Любимый брат, которого она больше всего хотела видеть на своем празднике, приехать не смог, потому что отправился в командировку в Японию по делам «Сандерсон-банка». Джарек сказал, что поездку отменить никак нельзя, но Элин показалось, что брат просто избегал ее, потому что винил себя в гибели их матери.

– Элин?

Она рассеянно посмотрела на парня. Том – кажется, его звали именно так. Он стоял слишком близко и буквально пожирал Элин глазами, отчего она пожалела о том, что надела платье с таким глубоким вырезом. Все из-за Вирджинии. Именно подруга убедила ее купить этот наряд из шифона и шелка алого цвета с ляпочками такими тоненькими, что под него нельзя было надеть бюстгальтер.

Том забрал у нее пустой бокал.

– Повторить?

– Лучше не надо. Мне кажется, я и так выпила слишком много. – Наверное, она чувствовала себя так странно, потому что была пьяна. Хотя обычно от алкоголя ей хотелось спать, но сегодня она пребывала в эйфории и ее переполняла энергия. Горечь, снедавшая ее на протяжении последних месяцев, куда-то исчезла, словно ее и не бывало. Может, Элин стоило напиться и забыться, как слишком часто в последнее время поступал ее брат. Ей отчаянно хотелось хотя бы на пару часов стереть из памяти тот момент, когда она увидела мать, неподвижно лежавшую на полу.

– Что за коктейль ты приносил мне в последний раз? У него был необычный вкус, не похожий на «Манхэттен».

– Наверное, я переборщил с ангостурой. – Том как-то странно посмотрел на Элин, а потом приобнял ее за талию, и она сдержалась, чтобы не поежиться, когда ощутила щекой его горячее дыхание. Многие женщины сочли бы его красавчиком, но было в нем что-то отталкивающее, и Элин буквально застыла, услышав его предложение.

– Малышка, давай уединимся где-нибудь, – шепнул он ей на ухо.

– Знаешь, я все-таки выпью чего-нибудь, – быстро сказала Элин. – Кажется, меня начинает мучить жажда. – Она говорила правду. Ей очень хотелось пить, а ее сердце буквально выскакивало из груди. Элин проследила глазами за Томом, который скрылся в толпе, и быстро вышла из комнаты.

В холле кто-то сворачивал ковер, расчищая место для танцпола. Здесь музыка играла еще громче, чем в гостиной, и Элин казалось, что она пронизывает ее тело насквозь. Ее схватили

за руку и потащили танцевать. Устоять перед ритмичной мелодией было просто невозможно, и Элин откинула волосы назад и начала танцевать так, как не танцевала никогда в жизни. Ее грудь теснил смех, и она выпустила его на волю, чувствуя себя раскрепощенной и радостной, потому что успела забыть, что значит смеяться.

На протяжении последних месяцев она только и делала, что таскалась за братом по ночным клубам, не давая ему напиваться. Элин решила принять огонь на себя и отвлекала внимание журналистов от Джарека, который после смерти матери буквально с катушек слетел. Она стала завсегдатаем вечеринок и старалась сделать так, чтобы не брата, а ее фотографировали вываливающейся под утро из очередного клуба.

Бульварная пресса окрестила ее заядлой тусовщицей и избалованной светской львицей. Некоторые журналисты обвиняли ее в том, что она навлекла позор на доброе имя лорда Сандерсона и опорочила память его покойной жены. Элин не сильно переживала по этому поводу, лишь бы только они не смешивали с грязью имя ее брата, чтобы не вызвать еще большее недовольство со стороны Ральфа.

Но сегодня она не притворялась, что ей весело. Сегодня Элин чувствовала себя невероятно уверенной в себе и совершенно беззаботной. Может, все благодаря тому, что она немного перебрала, но что с того? Она праздновала свои двадцать пять лет и могла себе позволить в свой день рождения все, что угодно. Поэтому Элин танцевала и смеялась, боясь остановиться, чтобы ее снова не затянула черная дыра скорби и печали, поглощавшая ее на протяжении долгих шести месяцев.

Элин не испытывала недостатка в партнерах. Мужчины толпились вокруг нее, а она флиртовала со всеми подряд, потому что в этот вечер она играла роль сирены в соблазнительном красном платье.

В полночь Вирджиния внесла торт с зажженными свечами.

– Не забудь загадать желание, – напомнила она Элин.

Считалось, что желание сбудется, если задуть все свечи за один раз. Но даже миллион желаний не смогли бы вернуть ее маму. Элин посмотрела на собравшихся гостей. Тут были друзья, с которыми она познакомилась еще в детстве, после того, как приемные родители забрали ее с собой в Англию. Также среди собравшихся хватало людей, которых Элин видела впервые. Наверное, они принадлежали к широкому кругу знакомых Вирджинии. Все ждали, когда она задует свечи, но она не знала, какое желание загадать.

И тут Элин увидела Его.

Он стоял в стороне от толпы. Волк-одиночка. Опасный хищник. Элин буквально прикипела к нему взглядом, и время, казалось, остановилось. Музыка и голоса исчезли, и остался только он один. Самый красивый из всех мужчин, которых она когда-либо видела.

Он был выше любого из собравшихся в этой комнате, а в его мрачной красоте проскальзывало что-то байроновское, что напомнило Элин Хитклиффа из классического романа Эмили Бронте «Грозовой перевал». Элин удивилась, что не заметила его раньше, но ее мыслительный процесс был прерван более примитивной реакцией ее тела на грубую мужественность незнакомца.

Мужчина был одет в черные джинсы и черный свитер, который облегал его широкую грудь. Сверху он накинул коричневую кожаную куртку, потертую в некоторых местах, отчего складывалось впечатление, что он жил по собственным правилам и плевать хотел на мнение окружающих. Густые черные волосы были чуть взъерошены, словно мужчина имел привычку запускать в них пальцы, а черная щетина на его подбородке и над верхней губой делала незнакомца еще более соблазнительным.

Элин внутренне затрепетала – значит, этот огонь в ее крови и есть то самое желание. Она почувствовала, как ее грудь моментально налилась тяжестью, а внизу живота разлилось какое-

то щемящее томление. Похоже, Элин напрасно считала себя ненормальной, когда ее друзья рассказывали о своих любовных похождениях, а ей нечем было поделиться в ответ.

– Может, ты лесбиянка, но боишься смотреть правде в глаза, – предположила Вирджиния, когда Элин призналась ей в том, что до сих пор не спала с мужчинами.

– Все дело в том, что мне не интересен секс ради секса. Я встречалась с несколькими парнями, но у меня не возникало желания сблизиться ни с одним из них. – Психологи наверняка сказали бы, что у нее проблемы с доверием из-за того, что первые четыре года своей жизни она провела в детском доме в стране, где шла война. А может, она была просто-напросто фригидной, как заявил один из ее парней после того, как ему не удалось убедить ее переспать с ним.

– Наверное, ты еще не встретила подходящего человека, – заметила Вирджиния. – Однажды найдется такой парень, от которого ты потеряешь голову.

Может, подруга имела в виду то, что происходило с Элин прямо сейчас?

Не сводя глаз с незнакомца и испытывая бурю эмоций, Элин вдруг поняла, чего хочет, и с силой задула свечи.

Кто-то прибавил звук, и комнату оглушила громкая музыка. Сердце Элин учащенно забилося, когда толпа перед ней расступилась, и она увидела, что мужчина смотрит прямо на нее. Он прислонился к каминной полке и напоминал готового к прыжку хищника. Незнамец не сводил с Элин взгляд, пока она медленно шла к нему, и у нее возникло такое впечатление, что он пленил ее разум, и она не смогла бы развернуться и уйти, даже если бы захотела.

Его глаза отливали янтарем, а черные брови чуть сдвинулись к переносице, когда он увидел улыбку Элин.

– Вам полагается поздравить меня с днем рождения. – Она не узнавала собственный голос, кокетливый и дразнящий.

Сегодня с Элин творилось что-то невообразимое. Она впервые в жизни переживала жаркое томление, которое заставляло желать чего-то большего и необъяснимого.

– С днем рождения, Блонди, – сухо бросил незнамец.

– Меня зовут Элин. – Она ненавидела прозвище, которым ее одарили журналисты, намекая на то, что раз она хорошенькая и белокурая, значит, безмозглая и тупая.

– Я знаю.

Элин склонила голову набок и пристально посмотрела на мужчину. Приглушенный свет бросал тени на лицо незнакомца, подчеркивая его суровую красоту. Элин вдруг захотелось коснуться его небритого подбородка, а что до его чувственного рта... У нее перехватило дыхание, когда она представила, как эти губы касаются ее собственных губ.

– Откуда? – Элин точно знала, что они никогда раньше не встречались, потому что она не смогла бы не заметить такого мужчину.

– Я пришел на вечеринку по случаю твоего дня рождения и не могу не знать твоего имени. Найдется немного людей, которые не слышали об Элин Сандерсон. В желтой прессе с завидной регулярностью появляются фотографии, где ты вываливаешься из очередного ночного клуба.

Элин покорило его язвительное замечание, но не могла же она объяснить совершенно незнакомому человеку, пусть даже такому привлекательному, что своим поведением отвлекала внимание от неблагоприятных поступков брата.

Их взгляды встретились, и глаза мужчины полыхнули обжигающим огнем.

Элин внутренне затрепетала, поняв, что его влечет к ней. Может, этот красавец и противился своему желанию, но так же, как и Элин, не мог совладать со страстью, которая вспыхнула между ними в одну секунду.

Мужчина явно верил всему, что писали о ней журналисты, так почему хотя бы на одну ночь не вести себя согласно своей репутации?

– Может, ты проявишь немного вежливости и представишься?

Его губы чуть дрогнули, но даже этой натянутой улыбки было достаточно, чтобы Элин бросило в жар.

– Плевать я хотел на вежливость, – проговорил он, но, немного помедлив, все же назвал: – Меня зовут Кортес.

– Ты испанец? – Элин уловила его едва заметный средиземноморский акцент. Плюс ко всему оливковая кожа и черные как смоль волосы говорили о том, что мужчина провел много времени под палящим солнцем. Она мысленно повторила его имя. Кор-тес... Оно напомнило ей одну из книжек по истории, которую она как-то прочла, об испанских конкистадорах, отличавшихся весьма безжалостным нравом. И Элин могла побиться об заклад, что ее собеседник был наследником этих пользующихся дурной славой искателей приключений.

– Наполовину. – Казалось, он хотел добавить еще что-то, но передумал.

Элин медленно провела глазами по его груди, опускаясь ниже к животу и бедрам, затянутым в черные джинсы.

– И какая из этих половин испанская? – невинно спросила она.

– А у тебя острый язычок, – хрипло рассмеялся он, обволакивая ее своим голосом, словно тягучим медом. – А еще ты очень, очень красивая.

Он потянулся к локону ее золотистых волос и намотал его себе вокруг пальцев. Элин могла чувствовать, как гулко забилося ее сердце, и она судорожно вздохнула. Видимо, от Кортеса не укрылось ее волнение, и он в ответ напрягся подобно хищнику, выслеживающему свою добычу. Здравый смысл призывал Элин уносить ноги, но она завороченно смотрела на своего собеседника, не в силах уйти.

– Потанцуешь со мной? Ты не можешь отказать мне, – поспешно добавила она, когда мужчина сузил глаза. – Сегодня мой день рождения, и я могу требовать всего, чего захочу.

Теперь его голос перестал быть тягучим и скорее напоминал скрежет металла по щебню.

– И чего же ты хочешь, Элин?

– Тебя, – едва слышно выдохнула она.

Кортес тихо чертыхнулся. Казалось, он вел какую-то внутреннюю борьбу.

– Пусть будет по-твоему, – словно решаясь на что-то, ответил он и, обняв Элин за талию, притянул к себе.

У Элин возникло такое чувство, словно ее пронзило током.

Их бедра соприкасались во время танца, и жар внутри ее превратился в полыхающее пламя. Кортес двигался с чувственной грацией, и Элин ахнула, когда он прижал ее к себе еще крепче.

Она вдыхала его волнующий аромат, в котором смешались острые нотки духов и жар мускулистого тела, и ей хотелось прижаться лицом к шее Кортеса и лизнуть его оливковую кожу. Ее руки лежали у него на груди, и она чувствовала, как громко бьется его сердце. Элин удивленно посмотрела на Кортеса, и у нее закружилась голова, когда она увидела неприкрытую страсть в его взгляде.

Ей захотелось быть еще ближе к этому угрожающе красивому мужчине, поэтому она обняла его за плечи и прижалась к нему всем своим телом, вжимаясь грудью с набухшими сосками в его грудь. Кортес что-то тихо пробормотал на испанском, запустил руку в ее волосы и приблизил к ней свое лицо. Его чувственный рот находился так близко, что Элин не сдержалась и с тихим стоном прильнула к нему.

Казалось, на нее обрушился огненный смерч, жаркий и окрашенный всеми цветами радуги. Кортес замер от неожиданности, но потом по его телу прошла дрожь, и он перехватил инициативу, завладев ртом Элин, словно конкистадор, предъявлявший права на свой трофей.

Поцелуй все длился и длился, становясь при этом все глубже и эротичнее, и Элин надеялась, что он никогда не закончится. Когда Кортес наконец оторвался от ее губ, чтобы они могли глотнуть немного воздуха, он посмотрел на нее так, словно пытался прочесть ее мысли.

– Это какое-то безумие, – процедил он. – Мне следует сказать тебе... – Он не успел договорить, потому что в них врезался кто-то из танцующих гостей. – Бог ты мой! – Он крепче прижал к себе Элин, и его желание защитить ее еще больше вскружило ей голову. – Мы можем поговорить где-нибудь наедине?

Через его плечо Элин заметила, как в комнату вошел Том с напитками в руках, и, чтобы избежать с ним встречи, она вывела Кортеса через другую дверь. Они оказались в узеньком коридорчике в задней части дома, которая раньше использовалась для слуг. Но даже здесь было полно народу. Поэтому Элин повела Кортеса на второй этаж, в свою спальню.

– Здесь нам никто не помешает, – сказала она и закрыла дверь.

Элин посмотрелась в зеркало и с трудом узнала себя в этом соблазнительном ярко-красном платье, со спутанными волосами и покрасневшими губами, которые так и напрашивались на поцелуи.

Она глянула на своего спутника и заметила, как сузились его глаза, когда она облизнула пересохшие губы кончиком языка.

– Ты хотел что-то сказать, – напонила Элин. – Ты женат?

– Что? – удивился Кортес. – Нет, конечно же нет. Если бы я был женат, я бы не стал целоваться с тобой.

– Тогда почему ты поцеловал меня?

– А ты как думаешь?

– Не знаю. Может быть, тебе следует поцеловать меня еще раз, и тогда я пойму. – И снова, в который раз, Элин удивилась, услышав в своем голосе кокетливые, дразнящие нотки. Но ей в самом деле хотелось, чтобы Кортес поцеловал ее. А еще... Элин покосилась на огромную кровать, в которой всегда спала одна, и услышала, как Кортес что-то невнятно пробормотал, проследив за ее взглядом.

– Перед тобой невозможно устоять. – В его голосе прозвучало что-то похожее на осуждение. Но хищный блеск его глаз говорил о том, что желание, которое она загадала, задувая свечи, может скоро исполниться.

– Ты собирался сопротивляться? – прошептала Элин, когда Кортес коснулся ее щеки своей огромной ручищей. Кожа на его ладони была такой грубой, что Элин на секунду задумалась, чем он зарабатывал себе на жизнь.

– Ни за что. – Он притянул ее к себе и жадно поцеловал. – Ты правда хочешь этого? – Кортес пристально посмотрел на нее, словно пытался прочесть ее мысли.

– И ты еще спрашиваешь? – Элин казалось, что в нее вселилась какая-то другая женщина. И эта дерзкая соблазнительница обвила руками шею Кортеса и набросилась на его губы, в то время как он поднял ее на руки, а потом опустил на кровать, придавив весом своего тела.

Он страстно целовал Элин, а она с готовностью отвечала на его поцелуи. Элин хотелось получить от этого мужчины все, что он мог дать ей, и, когда он прильнул губами к ее шее, ее желание только усилилось.

Она начала снимать с него куртку, пока он стягивал бретельки ее платья. Раздался звук рвущейся ткани, а потом Элин ощутила прикосновение холодного воздуха к своей обнаженной груди.

Она застонала, когда Кортес склонил голову и обхватил губами ее тугий сосок.

– Пожалуйста, – задыхаясь, прошептала Элин.

Она инстинктивно приподняла бедра, когда Кортес скользнул рукой под подол ее платья и провел ею по внутренней стороне бедра. Он стянул с нее нижнее белье, а потом его пальцы оказались там, где она так отчаянно ждала его прикосновений. Кортес ласкал ее так умело, что в считанные секунды Элин оказалась близка к оргазму.

– Я хочу... – выдохнула она, дрожа от страсти.

– Я знаю. – Кортес снова прильнул к ее губам, а между поцелуями стянул с себя свитер. Его кожа, покрытая курчавыми волосами, показалась Элин шелковой на ощупь, когда она провела своими руками вниз, к молнии на его джинсах.

Кортес не переставал ласкать ее, только усиливая желание. В пылу страсти Элин не заметила, когда он успел раздеться, и ахнула, увидев его возбужденную плоть. Его мужское достоинство показалось ей потрясающим, таким красивым и таким огромным. Ее сомнения рассеялись, когда Кортес переплел пальцы внутри ее лона, и она пережила наслаждение, которое было таким острым, что она не сдержала крик.

– У меня нет презерватива с собой, – просипел он, поднимаясь с Элин, но она была не готова отпустить его.

Элин вспомнила, что в комодике где-то валялась упаковка презервативов, которые бесплатно раздавали во время ее учебы на первом курсе университета.

– В верхнем ящике комода, – едва слышно сказала она.

Кортес бросился к комоду, достал презервативы и разорвал одну упаковку. И уже через секунду он снова навис над Элин, раздвигая ее ноги своим бедром.

А потом он одним резким рывком вошел в нее, и она ахнула от боли, которая почти тут же исчезла. Кортес нерешительно замер, но ощущение наполненности им было таким невероятным, что Элин изогнулась навстречу ему, призывая овладеть ею целиком и полностью.

Ей хотелось большего, и она вонзила пальцы в плечи Кортеса, прижимаясь к его сильному телу, пока он врывался в нее снова и снова, унося ее на вершину блаженства и заставляя вскрикивать от нарастающего желания. А потом ее мир разлетелся на тысячу сверкающих осколков. Элин услышала, как застонал Кортес, и их обоих накрыла волна наслаждения.

Элин с трудом открыла глаза и обнаружила себя лежащей на кровати в своей спальне в Кенсингтоне. Она отбросила покрывало и увидела, что уснула одетой. Верх ее платья был стянут вниз, оставляя обнаженной грудь, и когда она провела рукой вниз, то обнаружила, что на ней нет нижнего белья.

Боже правый! Элин начала вспоминать события прошлой ночи: вечеринку, громкую музыку, свечи на торте. Она танцевала со многими мужчинами, среди которых выделялся красавчик Кортес с черными как смоль волосами и темными, с янтарным отливом глазами.

Сначала она поцеловалась с этим испанцем, а потом пригласила его в свою спальню.

Щеки Элин стали пунцовыми, когда она заметила валявшиеся на полу трусики и вспомнила, что произошло в этой самой комнате. Она занималась сексом впервые в жизни с абсолютно незнакомым мужчиной.

– Элин, ты здесь? – За дверью послышался голос Вирджинии.

– Секундочку. – Элин поспешно накинула халат поверх своего измятого платья, чтобы спрятать следы своего постыдного ночного приключения. Вирджиния была ее лучшей подругой, но Элин не хотелось рассказывать ей, что она вела себя как потаскушка. Она мечтала о том, чтобы спрятаться куда-нибудь подальше, но ей пришлось улыбнуться и открыть дверь.

– Ты одна? – удивилась подруга. – Я видела, как ты улизнула с шикарным парнем, и подумала, что ты, может быть, провела ночь с ним. Кто он?

– Его зовут Кортес. Я не спросила его фамилию, потому что думала, что он из твоих друзей. Разве не ты пригласила его на вечеринку?

– Я никогда раньше не видела его, – помрачнела Вирджиния. – Странно. Может, он пришел с кем-то из гостей. – Подруга равнодушно пожала плечами. – Ты ведь пропустила все самое интересное. Арестовали одного парня, Тома Уилсона. Его подозревают в том, что он подсыпал какую-то дрянь в напиток моей знакомой Лизы. Она почувствовала себя очень странно после коктейля, который он сделал для нее, но подумала, что просто пьяна. Позже Том пытался уговорить Лизу уйти с ним с вечеринки, но кто-то предупредил ее, что тот что-то подмешивал

в ее напиток. Вызвали полицию, и, когда проверили остатки коктейля Лизы, оказалось, что в него подмешан наркотик, который Том подсыпал, чтобы изнасиловать ее.

Элин потрясенно опустилась на кровать.

– А как проявляется действие этого наркотика?

– Лиза сказала, что у нее кружилась голова и что ей казалось, будто она оторвана от реальности. О бог мой, – ужаснулась Вирджиния, увидев побледневшее лицо Элин. – Он и тебе подсыпал эту дрянь?

– Том сделал мне коктейль, и я почувствовала себя очень странно, выпив его. Но, как и Лиза, я подумала, что просто пьяна.

– Тебе лучше сообщить в полицию. Некоторые из подобных наркотиков могут вызвать провалы в памяти. Теперь понятно, почему ты проспала до самого обеда.

Если Том подмешал наркотик в ее коктейль, тогда понятно, почему она вела себя вчера таким образом. Слабое утешение. Кортес ведь ничего не знал. Похоже, он считал, что Элин привыкла спать с мужчинами, которых видела впервые в жизни. И то, что он исчез утром, даже не попрощавшись, заставляло ее почувствовать себя девицей легкого поведения.

Как только Вирджиния ушла, Элин стянула с себя свое красное платье, которое стало символом ее позора, и бросила его в мусорное ведро. Потом она забралась в ванную, но, сколько она ни мылилась и ни обливалась горячей водой, она не смогла смыть отвращение к самой себе и отметины на теле, оставленные Кортесом.

Вернувшись в спальню, Элин встала перед зеркалом и отбросила полотенце в сторону, рассматривая доказательства своей вины. На ее груди остались красные отметины после того, как ее нежную кожу оцарапал жесткий подбородок Кортеса, а внизу живота раздавалась едва ощутимая пульсация, напоминавшая о том, что Элин потеряла девственность в объятиях абсолютно незнакомого человека.

Хорошо хоть, что они предохранялись. Элин закрыла лицо руками и пожалела, что у нее не было провала в памяти. Но она четко помнила свое безответственное поведение. Кортес не принуждал ее к близости, и, даже если в ее напиток была подмешана какая-то дрянь, ей не становилось от этого легче. Она вела себя как женщина легкого поведения, и ее единственным утешением было то, что она никогда больше не увидится с этим испанским конкистадором, который вместе с девственностью лишил ее самоуважения.

Глава 2

Прошел год с той памятной ночи.

Элин сидела с братом на первой скамье в церкви, где собралось множество народу, чтобы проводить в последний путь их приемного отца, Ральфа Сандерсона. Она поежилась от порыва ледяного ветра, ворвавшегося в церковь, когда тяжелая дубовая дверь открылась, впуская кого-то из опоздавших. В сапогах было бы теплее, но туфли на шпильках лучше подходили к ее пальто в стиле пятидесятых и черной маленькой шляпке с вуалью, в которой, по словам шляпника, она была похожа на Грейс Келли. Ведь Элин с самого детства приучили следить за своим внешним видом.

Ей стало интересно, кто мог прийти с таким опозданием, поэтому, когда присутствующие поднялись, чтобы спеть гимн, она бросила взгляд через плечо и застыла, словно пораженная громом.

Кортес!

Но такого быть не могло. Скорее всего, ее подвела память, потому что Элин не могла найти причину появления этого человека на похоронах своего отца.

Она резко отвернулась и уставилась в книжку с гимнами, которая буквально подпрыгивала в ее трясущихся руках. Джарек тихо выругался и взял ее под руку.

– Ты ведь не собираешься упасть в обморок? – прошептал он. – Журналисты, окружившие церковь, будут в восторге увидеть, как тебя выносят из помещения в бессознательном состоянии во второй раз за эту неделю. Конечно же они скажут, что ты либо напилась на похоронах своего дорогого папочки, либо под кайфом.

– Ты ведь знаешь, что это все неправда, – едва слышно ответила Элин. – В клубе, где Вирджиния устроила свой девичник, было слишком душно и многолюдно.

– Больше похоже на правду то, что ты до сих пор не оправилась после рождения Гарри. Понимаю, ему уже три месяца, но ты потеряла тогда бог знает как много крови, – мрачно заметил Джарек. – Я предупреждал, что тебе еще рано возвращаться к насыщенной светской жизни.

Его слова больно ранили, потому что Элин стала узнаваемой лондонской тусовщицей только для того, чтобы отвлечь внимание прессы от самого Джарека. По крайней мере, теперь ей больше не придется переживать по поводу того, что Ральф потеряет всяческое терпение с ее братом. Их приемный отец умер неделю назад, после того как в прошлом месяце у него обнаружили опухоль головного мозга. Джареку предстояло занять место главы «Сандерсон-банка», и, хотя многих членов совета директоров беспокоила его репутация любителя риска, никто не смог бы помешать наследнику Ральфа Сандерсона стать преемником своего отца.

Мысли Элин вернулись к мужчине, которого она только что увидела в церкви. Конечно же это не мог быть Кортес. Хотя он и знал ее имя и лондонский адрес, за последний год он ни разу не попытался связаться с ней, а она не знала его фамилию, так что не могла найти его, чтобы рассказать ему о Гарри.

Элин подумала о сыне, который сейчас находился под присмотром няни в Какмир-Холле. Гарри был сама невинность и не знал, что был зачат в результате порыва страсти между двумя абсолютно незнакомыми людьми. Но когда сын подрастет, он захочет узнать, кто был его отцом, и Элин планировала придумать историю о том, что тот погиб. Все же лучше, чем сказать ребенку правду о том, что отец бросил его до того, как он родился.

Их с братом бросили собственные родители. Джареку тогда исполнилось шесть лет, и у него остались смутные воспоминания об отце и матери. Но Элин помнила только то, как смотрела на окружающий мир сквозь прутья кровати. Джарек рассказывал, что в приюте младшие дети часто целыми днями лежали или сидели в своих кроватках. Элин научилась ходить в два с

небольшим года, и то только потому, что брат часто тайком пробирался в ее спальню и держал за руку, пока она делала свои первые шаги.

Зная, что Гарри никогда не узнает своего отца, Элин решила, что будет любить своего сына в два раза сильнее.

Церемония отпевания подошла к концу, и Элин вместе с братом последовала за гробом отца, которого выносили из церкви. Она окинула взглядом собравшихся почтить память Ральфа, но не увидела никого похожего на Кортеса.

Наверное, это воображение сыграло с ней злую шутку.

– Ты выглядишь бледной, словно увидела привидение, – заметил Джарек, когда они вернулись обратно в Какмир-Холл. – Призрак отца скорее будет пугать меня, а не тебя. По крайней мере, Ральф испытывал к тебе хоть какую-то привязанность, – сухо бросил он. – Он хотел удочерить хорошенькую маленькую девочку, а пришлось взять еще и проблемного десятилетнего мальчика.

– Ральф заботился о нас двоих, – пробормотала Элин, пытаясь убедить себя в правдивости своих слов. И хоть она больше любила Лорну Сандерсон, она испытывала привязанность и к Ральфу тоже, потому что он был единственным отцом, которого она знала.

– Мы были его социальным экспериментом, для которого нужно было взять парочку детей из самых нижних социальных слоев и попытаться сделать из них аристократов, – язвительно улыбнулся Джарек. – Можно смело говорить, что с тобой он добился больших успехов, чем со мной.

– Неправда. Уверена, он хорошо относился к тебе и уважал твою деловую хватку, вот почему назначил своим преемником в «Сандерсон-банке».

Элин сняла шляпу и пальто и разгладила складки на своем черном платье, зауженном книзу.

Дворецкий, который встречал их, предложил ей бокал шерри, но она отказалась.

– Бэйнс, я заметила какую-то машину во дворе. Это адвокат отца? – Ей хотелось улизнуть наверх, к сыну, но с этим придется подождать, пока не прочтут завещание Ральфа.

– Мистер Карстерс и еще один джентльмен приехали десять минут назад, и я проводил их в библиотеку.

– Похоже, дела у старика Карстерса идут очень хорошо, раз он приехал на Астон Мартин, – заметил Джарек. – Наверное, он взял с собой своего помощника. Что ж, кроме нас, других родственников у Ральфа не было, так что оглашение завещания не займет много времени. – Он глянул на часы. – Этим вечером у меня гонки.

– Мне бы не хотелось, чтобы ты ездил на этом чертовом байке, – пробормотала Элин, следуя за братом по коридору. – Это очень рискованный вид спорта.

– Риск есть во всем, – нервно заметил Джарек. – Кто бы мог подумать, что поездка мамы к ювелиру будет стоить ей жизни.

Они вместе зашли в библиотеку, и Питер Карстерс тут же поднялся с кресла.

– Элин, Джарек, у вас выдался тяжелый день, и я не стану сильно задерживать вас.

– Спасибо. – Элин с удивлением заметила напряженность в обычно дружелюбном голосе Карстерса. – Не желаете выпить?

– Нет, спасибо. Итак, приступим к делу.

Элин с братом сели на диван перед столом, место за которым занял мистер Карстерс. Его помощника нигде не было видно.

Адвокат зачитал несколько пунктов из завещания, которые касались служащих его дома.

– Теперь перейдем к винограднику Сандерсона. – Карстерс прокашлялся и продолжил: – «Я оставляю пятьдесят процентов акций виноградника и винодельни моей приемной дочери Элин Дворска Сандерсон».

Элин удивилась, потому что думала, что Ральф передаст ей все права на собственность. Последние полтора года она работала в качестве директора производства и посвятила себя тому, чтобы воплотить в жизнь видение Лорны Сандерсон по производству английского игристого вина премиум-класса. Джарек никогда не проявлял интереса к этому делу, но, может быть, Ральф надеялся, что ситуация со временем изменится.

Она услышала, как дверь в библиотеку открылась, а потом снова тихо закрылась, но внимание Элин было занято мистером Карстерсом, поэтому она не стала оглядываться.

Адвокат снова нервно прокашлялся.

– Элин, тут есть одно условие. Мистер Сандерсон заявил, что до того, как предъявить права на наследство, ты должна в течение года выйти замуж и обеспечить отца своему сыну. Если ты не выполнишь это условие, твоя доля винодельни перейдет к главному наследнику твоего приемного отца.

Элин потеряла дар речи. Конечно, ее отец не одобрил то, что она стала матерью-одиночкой, но, когда родился Гарри, он, казалось, очень обрадовался малышу.

– Не могу поверить, что Ральф мог написать такое, – наконец выдавила она.

Джарек потянулся к Элин и сжал ее руку.

– Ты ведь знаешь, что Ральфу нравилось играть в свои маленькие игры, – язвительно заметил он. – Это еще один способ попытаться контролировать ситуацию даже из могилы. Элли, не переживай. Твоя доля перейдет ко мне, а если ты не выйдешь замуж, я перепису винодельню на тебя. У меня нет ни малейшего желания заниматься виноградником. – Джарек перевел взгляд на Карстера. – Может, уже покончим с этим завещанием? Меня ждут дела.

– Осталось еще два пункта, – в который раз прокашлялся адвокат. Казалось, он нервничал не меньше Элин. – «Два поместья «Роуз Коттедж» и «Айви Коттедж» я оставляю моим приемным детям, Джареку и Элин».

Что за странное завещание? В нем не было никакого смысла. Ее брат считался прямым наследником Ральфа и должен был получить все, включая Какмирское поместье, с его домом, двумя тысячами гектаров земли, лесом и виноградником, а также тридцатью пятью коттеджами и пабом в Литтл Бэрдли.

– «Наконец, я завещаю все, чем владел, исключая все вышеперечисленное, все мои деньги и имущество, а также должность управляющего «Сандерсон-банком» своему родному сыну, Кортесу Рамосу».

В библиотеке воцарилась мертвая тишина. Элин прижала руку к груди, пытаясь остановить готовое выпрыгнуть оттуда сердце.

Только бы не тот самый Кортес, с которым она переспала год назад. Но ее сковал страх, когда она вспомнила мрачную фигуру, появившуюся в церкви, во время отпевания ее отца. Что теперь будет с Джареком и с ней самой? И что ждет ее собственного сына? Будущее, которое секунду назад казалось таким надежным, вдруг стало туманным и пугающим.

– Карстерс, это какая-то шутка? – напрягся Джарек. – Вы ведь знаете, что Ральф и Лорна Сандерсон не могли иметь детей, поэтому взяли меня и сестру. У Ральфа не может быть родного сына, и этот Кортес Рамос, кем бы он ни был, не может заявлять законные права на имущество моего приемного отца.

Мистер Карстерс не успел ничего ответить.

– У Ральфа Сандерсона не было законного родного сына, но был внебрачный, – послышался резкий голос с другого конца библиотеки.

«Только не это», – побледнела Элин и развернулась в сторону Кортеса.

– Значит, это тебя я видела в церкви, – судорожно выдохнула она. – Мне показалось, что я узнала тебя, только я не могла понять, зачем ты приехал.

– Ты его знаешь? – удивился Джарек.

Элин нервно сглотнула, пытаясь не вспоминать обнаженное тело Кортеса, его сильные руки, сжимавшие ее в объятиях.

– Мы... мы встречались однажды, – выдавила она. Ей показалось, что Кортес посмотрел на нее с насмешкой, и она мысленно поблагодарила родителей, которые научили ее самообладанию и выдержке. – На какой-то вечеринке.

– И ты знала, кем он приходится Ральфу?

– Конечно нет. – Подозрение, промелькнувшее в глазах брата, больно ранило ее. Она была обязана ему жизнью. Если бы не Джарек, одному Богу известно, что случилось бы с ней, когда Сараево подверглось атаке, и одна из бомб угодила в приют. – Я бы сказала тебе.

Джарек круто развернулся и направился к двери.

– Ты куда? – бросилась за ним Элин.

– Ты ведь понимаешь, почему Ральф поступил так? – горько ответил Джарек, когда Элин догнала его в вестибюле. – Он считал меня виноватым в смерти мамы. И он был прав. Я мог спасти ее.

– Но что бы ты сделал против вооруженного грабителя? В смерти мамы не было твоей вины. Джарек... – Она схватила его за руку, но он вырвался и взял со стола в прихожей свой шлем.

– Если бы я не строил из себя героя, Лорна была бы до сих пор жива. Я попытался остановить того типа с пистолетом, но он запаниковал и выстрелил. Я понимаю, почему Ральф исключил меня из своего завещания, но у него не было причины поступать так с тобой. – Он открыл дверь и обернулся. – Знаешь, о чем я жалею? Я жалею о том, что, когда нас держали заложниками в том ювелирном магазине, этот чертов бандит пристрелил не меня, а маму. Думаю, Ральф тоже об этом жалел. – С этими словами Джарек сбежал по ступенькам и поспешил к своему мотоциклу.

– Пожалуйста, будь осторожен. – Элин хотелось догнать его, но из библиотеки вышел Питер Карстерс и заговорил с ней.

– Мистер Рамос любезно предложил подвезти меня сюда, а домой я поеду на такси, – сказал он, когда на подъездной дорожке появилась машина. – Дорогая моя, мне очень жаль, что я принес дурные вести. Я сам потрясен не меньше вашего.

– Отец умер от рака головного мозга. Может, он был не в себе, когда сделал Кортеса Рамоса своим наследником? Разве можно сказать с уверенностью, что этот мистер Рамос – сын Ральфа?

Она напряглась, когда заметила стоящего на пороге библиотеки Кортеса. Он наверняка слышал ее слова. Что ж, она будет бороться за свое и Джарека наследство и, что даже более важно, за будущее своего сына.

Который также был сыном Кортеса.

Но когда Элин услышала отдаляющийся рокот мотоцикла, ее охватил страх.

– Мистер Сандерсон был явно в здравом уме, когда попросил меня составить новое завещание через шесть месяцев после смерти жены, – возразил адвокат отца. – Думаю, он какое-то время подозревал, что мистер Рамос может быть его сыном, а когда тест на отцовство подтвердился, он пригласил своего сына сюда, в Какмир-Холл. Ральф попросил меня составить новое завещание в тот же самый день. Это было год назад, третьего марта.

– В день моего рождения, – слабо выдохнула Элин.

Со стороны приемного отца было предательством составить новое завещание в день ее рождения и лишить ее средств к существованию.

Элин показалось, что в легких закончился воздух, у нее подкосились ноги, и где-то вдалеке послышалось, как чертыхнулся Кортес.

Глава 3

Когда Кортес бросился к Элин и подхватил ее на руки прежде, чем она рухнула на пол, она показалась ему невесомой. Его потрясла ее хрупкость, когда он увидел ее стоящей у гроба отца. Может, она сидела на диете, чтобы выглядеть по-модному стройной, или ее худоба была вызвана куда более скверной привычкой?

Два дня назад в газетах появились снимки, на которых Элин выносили из одного ночного клуба в Лондоне. Журналисты подозревали, что она баловалась кокаином или какими-то другими наркотиками, популярными в среде золотой молодежи. Кортес разозлился на себя за то, что потакал своему любопытству, купив газету и прочитав историю целиком. Там говорилось, что год назад Элин пользовалась славой заядлой тусовщицы, пока на несколько месяцев не выпала из поля зрения папарацци. Кортес дочитал статью и с отвращением выбросил ее в мусорную корзину.

Какого черта он занялся с ней сексом тогда? Ответ был прост. Когда Кортес увидел ее на танцполе, его вдруг охватила безумная, не поддающаяся контролю страсть.

Он вспомнил Элин в ее коротеньком красном платье, которое едва прикрывало ее тугую грудь. На ее плечи шелковой волной ниспадали золотистые волосы, обрамляя ее красивое, как у сказочной феи, лицо с широким чувственным ртом. Стоило Кортесу увидеть Элин, как он больше не мог оторвать от нее взгляд. Несмотря на то что он знал, что приемная дочь Сандерсона была испорченной богатенькой девочкой, которую не интересовало ничего, кроме вечеринок – и, если верить заявлениям прессы, – запрещенных препаратов, его тянуло к ней со страшной силой.

Прошло чуть больше года после того, как Кортес приезжал в Англию, чтобы получить результаты теста на отцовство, которые подтвердили, что он был сыном Ральфа Сандерсона. Тот пригласил его в Какмир-Холл, и он отправился туда чисто из любопытства, чтобы познакомиться со своим биологическим отцом, который бросил его мать, когда та забеременела. Кортес уже знал, что Ральф был богат и что Сандерсоны принадлежали к числу старинных аристократических семей Лондона.

По дороге в поместье Сандерсона Кортес с горечью думал о том, что его матери пришлось тяжело работать, чтобы содержать семью, что и стало причиной ее раннего ухода из жизни. Марисоль Рамос забеременела тридцать пять лет назад и осталась одна, брошенная любовником и отвергнутая семьей. Ей удалось насадить небольшой виноградник в Андалусии, и Кортес помогал ей в работе с самых малых лет. В их винной лавке можно было купить превосходный херес, но они не могли тягаться с более успешными производителями этого напитка. Когда мать умерла в возрасте сорока двух лет, Кортес решил, что она просто истощила весь запас жизненных сил.

Когда он наконец встретился с Ральфом Сандерсоном, то не испытывал ничего, кроме злости на отца за то, что тот обрек его мать на жизнь в нищете и тяжком труде.

В то время в газетах много писали о приемных детях Ральфа, в особенности о безумных тусовках Элин. Но ее фотографии в прессе и снимок на рабочем столе Ральфа не подготовили Кортеса к тому впечатлению, которое она произвела на него, когда он увидел ее танцующей в шумной толпе гостей.

Ресницы Элин дрогнули, а потом она открыла свои глаза цвета сапфира и недоуменно посмотрела на Кортеса. Он тут же вспомнил ее взгляд, когда она во время танца прижалась к нему всем своим телом, таким мягким и таким податливым в его руках. Элин тогда приоткрыла свой чувственный рот, приглашая его к действию, и он не смог устоять.

Он не понимал, что с ним творилось, потому что раньше он прекрасно справлялся с любым искушением. Кортес никогда не терял самообладания и встречался с женщинами на

своих условиях. Оказавшись в постели с Элин, он нарушил все правила, которые установил после того, как в свои двадцать с небольшим влюбился в Аландру, а та в пух и прах разбила все его представления о любви.

– Что ты делаешь? Отпусти меня.

В голосе Элин послышалась паника. Кортес немного разозлился, когда опустил ее на диван, а она тут же отодвинулась в сторону, словно он был каким-то прокаженным. Он мрачно подумал, что год назад она вела себя по-другому. Тогда она буквально таяла в его руках.

Кортес подошел к столику, на котором дворецкий оставил поднос с напитками, и попытался не вспоминать Элин, раскинувшуюся на кровати, в задравшемся платье.

– Возьми, – бросил он, протягивая ей стакан бренди.

– Я редко пью, – покачала головой Элин.

Как она могла казаться такой невинной, когда Кортес на собственном опыте убедился, что она была далека от этого? Он прекрасно помнил, как Элин флиртowała с ним на своей вечеринке и была настолько обольстительной, что он совершенно потерял голову.

Теперь она стала еще красивее. Черное платье в классическом стиле только подчеркивало ее элегантность. Золотистые волосы Элин были собраны в пучок, открывая изящные черты лица с высокими скулами и идеально изогнутыми бровями. Кортес никогда в жизни не видел таких голубых глаз. Ему вдруг стало трудно дышать, и он разозлился на себя за то, что не мог контролировать свое тело, по которому прокатилась жаркая волна внезапно вспыхнувшей страсти.

– Если ты была не пьяна, когда два дня назад тебя выносили из клуба, значит, журналисты говорят правду, заявляя, что ты подседа на наркотики, – насмешливо протянул он.

Кровь схлынула с ее фарфорового личика.

– В газетах много врут обо мне, и мой обморок был вызван тем, что я недавно болела. А сейчас я потеряла сознание потому, что для меня оказалось огромным потрясением то, что отец исключил меня и моего брата из завещания и назначил своим наследником тебя, своего незаконнорожденного сына, о котором никто ничего не знал, – ледяным тоном ответила она, но ее глаза метали молнии. – Ты заявился на мою вечеринку, чтобы позлорадствовать? Теперь ты знаешь, что все его имущество перейдет тебе. Неужели тебе было мало того, что ты унаследуешь Какмир-Холл, лондонский дом и кресло директора «Сандерсон-банка», и ты решил заполучить и меня тоже?

Кортес мрачно улыбнулся. Пусть она строила из себя невинного ангелочка, но он прекрасно знал, что она собой представляла.

– Вообще-то я ничего не знал об этом завещании. После встречи с отцом я собирался переночевать в гостинице, но Ральф предложил остановиться в его доме в Кенсингтоне и дал мне ключ. Он сказал, что вы с братом за границей и в доме никого не будет. Когда я зашел в дом и очутился на твоей вечеринке, мне тут же захотелось уйти, но ты начала умолять, чтобы я потанцевал с тобой.

Кортес зачарованно смотрел на румянец, вспыхнувший на щеках Элин.

– Я не беру ничего силой, – резко бросил он. – Ты сама пригласила меня в свою спальню и предложила заняться сексом. – Он пожал плечами. – Зная твою репутацию, я не стал тешить себя надеждой, что буду твоим первым или последним любовником на одну ночь.

Теперь она побледнела.

– Ты настоящий мерзавец. В тот вечер я была под влиянием наркотика, который подсыпали в мой коктейль, и совершенно не соображала, что делаю. А что до моей репутации, – она коротко рассмеялась, – ты ничего не знаешь обо мне.

Кортесу вдруг показалось, что в ее голосе прозвучала боль, и ему стало немного не по себе. Но он не видел причины осуждать себя. Она только что призналась, что принимала нар-

котики и занялась с ним сексом, потому что была под кайфом. Пусть он не знал ее лично, но в газетах писали, что у нее было много любовников до него.

Та ночь навсегда осталась в его памяти. Кортес вспомнил, что, когда прижал ее своим телом и вошел в нее с отчаянием, которого никогда раньше не испытывал, она вся сжалась и судорожно вдохнула. Она была такой тугой и такой горячей, что он почти обезумел. Но потом Элин обвила его своими ногами и начала двигаться с ним в одном ритме. Их охватила сумасшедшая страсть, и Кортес отбросил мысль, что Элин была сексуально неопытной.

Может быть, она привыкла вести себя так с другими мужчинами, но у него было доказательство, что он был не первым у нее.

– Знаю, у тебя есть ребенок. – Кортес не понимал, почему пришел в ярость, когда представил ее хрупкое тело в объятиях другого мужчины. Он был потрясен, когда услышал во время чтения завещания, что у Элин есть сын. Странно, что пресса ничего об этом не знала.

– Ральф в своем завещании пожелал, чтобы ты вышла замуж и обеспечила отца своему ребенку. Ты общаешься с отцом своего сына. Собираешься ли выходить за него замуж, чтобы потребовать часть своего наследства?

Он напряженно ждал ее ответа, который потряс его до глубины души.

– Ты отец моего ребенка, – сказала она тихим голосом, который преследовал его весь прошлый год.

– Это невозможно, – язвительно улыбнулся Кортес. – Я всегда предохраняюсь во время секса. Может, ты и забыла, но я освежу твою память и напому тебе, что я пользовался презервативом. Боюсь, тебе придется поискать мужа и отца для своего ребенка в другом месте.

Элин вскочила на ноги, то ли чтобы придать сцене больше драматизма, то ли из-за того, что полностью пришла в себя после обморока.

– Только идиот может верить, что презерватив безопасен на все сто процентов, и в нашем случае все получилось с точностью до наоборот. – Она вздернула подбородок, и Кортесу вдруг захотелось отвернуться от пронизывающего взгляда этих синих глаз. – Поверь мне, скорее ад замерзнет, чем я выйду за тебя замуж. Гарри – твой сын, но я знала, что ты не захочешь нести за него ответственность, когда ты даже не удосужился попрощаться после того, как занимался сексом со мной.

– Ты крепко спала, и я подумал, что тебе вряд ли понравится, если я разбужу тебя, – парировал Кортес, придя в ярость от ее презрительного тона и того, что она настаивала на том, что являлось откровенной ложью. Он ни на секунду не верил, что был отцом ее ребенка. После того, что случилось с Аландрой, Кортес поклялся, что никогда не будет заниматься сексом без презерватива.

Но ему пришлось не по душе то, что Элин представила все в таком свете, будто он сбежал из ее спальни, пока она спала, потому что все именно так и произошло. Кортес злился на то, что она заставила его потерять самообладание, и ушел прежде, чем мог уступить искушению и разбудить ее поцелуем, чтобы снова заняться сексом. Только на этот раз неспешно, чтобы изучить до мельчайших деталей ее восхитительное тело и чтобы она стонала и судорожно вздыхала, пока он будет ласкать ее.

Кортес молча чертыхнулся на мгновенную реакцию своего тела, стоило ему представить эту эротичную картину. Он не удивился тому, что Элин использовала старые трюки, чтобы обеспечить себе стабильное финансовое положение, после того как узнала, что они с братом почти полностью исключены из завещания. Кортес не мог представить, что эта «принцесса вечеринок», как ее окрестила пресса, имела малейшее понятие о работе. Она нуждалась в источнике дохода, но Кортес не ожидал, что она так быстро отступит.

– Я исполнила свой долг и рассказала тебе, что у тебя есть сын, – ледяным тоном заявила Элин. – Я ничего не жду от тебя и прошу всего лишь несколько дней на то, чтобы собрать свои вещи и покинуть Какмир-Холл. – Ее голос слегка дрожал, и она на секунду поджала губы, а

потом продолжила: – Как тебе известно, Ральф оставил нам с братом недвижимость на территории этого поместья. Но коттеджи пустовали несколько лет, и я не знаю, в каком состоянии они находятся. Возможно, мне придется сделать там небольшой ремонт прежде, чем я смогу перевезти туда ребенка.

Кортес напомнил себе, что она не заслуживала его сострадания. Элин жила в роскоши, тогда как он с матерью жил в нищете. Но, с другой стороны, то, как жестоко Ральф поступил с его матерью, не имело к Элин никакого отношения. И не ее вина, что она росла в богатстве, пока Кортес гнул спину на винограднике под палящим испанским солнцем, помогая матери сводить концы с концами.

– Вечером я возвращаюсь в Лондон на встречу с советом директоров «Сандерсон-банка». Вы с братом можете оставаться в Какмир-Холле, пока не уладите все вопросы с переездом в коттеджи, которые завещал вам Ральф.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.